

Р.Ю. Почекаев

К ИСТОРИИ «БУФЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ» НА ГРАНИЦАХ РОССИИ: АРАЛЬСКОЕ ВЛАДЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В РУССКО-ХИВИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVIII–XIX ВВ.*

Продвижение Российской империи в Среднюю Азию не всегда проходило в форме военных походов, захватов различных среднеазиатских регионов и присоединения их к имперским владениям. В определённых условиях более целесообразным представлялось создание на границе владений России и того или иного среднеазиатского государства особых «буферных» территорий (в форме самостоятельных государств или полуавтономных государствовидных образований). Поддерживая их, Российская империя получала возможность влиять на политику соответствующего среднеазиатского ханства и, соответственно, более эффективно выстраивать с ним дипломатические отношения, закрепляя своё влияние в регионе. Одним из таких образований стало Аральское (Кунградское) владение, которое ещё в начале XVIII в. привлекло интерес российских властей на предмет использования его в выстраивании отношений с Хивинским ханством, а в XIX в. уже широко использовалось российскими властями для укрепления своего влияния в Приаралье.

В данной статье исследуются позиция российских властей по отношению к Аральскому владению и конкретные примеры использования его для воздействия на Хивинское ханство. Основными источниками являются свидетельства участников политических событий в Средней Азии XVIII–XIX вв. – российских дипломатов, исследо-

вателей, представителей имперской пограничной администрации. Насколько известно, специальных исследований, посвящённых Аральскому владению и, тем более, его взаимосвязям с Россией, практически не проводилось¹.

Аральское владение, иногда именуемое также Кунградским (поскольку административным центром его являлся город Кунград), располагалось в устье реки Амударья и фактически служило воротами в Хивинское ханство водным путём – вплоть до Ургенча и самой Хивы². Именно поэтому оно имело стратегическое значение для самого ханства и, соответственно, привлекало внимание Российской империи.

В политическом отношении Аральское владение представляло собой уникальное образование. В Хивинском ханстве, как и во всех тюрко-монгольских государствах, возникших после распада Монгольской империи, борьба за власть проходила, как правило, между аристократическими кланами, возглавлявшими те или иные племена узбекского и туркменского происхождения, т.е. на основе клановой принадлежности. Кунград же не являлся исключительным владением какого-либо племени: в нём собирались представители узбекского, туркменского, казахского и каракалпакского населения, которых объединяло лишь одно – оппозиция по отношению к хану, правившему в это время в Хиве.

Уже в начале XVII в. его население предоставляло убежище тем членам ханского рода, которые боролись за власть в Хиве, поддерживало их авантюры. Так, около 1605 г. они поддержали выступление претендента на трон Салих-султана, потомка Хасан-Кули-хана (ветвь которого оказалась отстранена от трона ещё в первой половине XVI в.) в его борьбе против хивинского хана

* Публикация подготовлена в рамках подержанного РГНФ научного проекта № 14–03–00322. Статья представляет собой расширенную версию доклада, представленного на Шестой Всероссийской научной конференции «Архивы и история Российской государственности» (Санкт-Петербург, 20–22 ноября 2014 г.), текст доклада ранее не публиковался.

Араб-Мухаммада (1602–1621)³. В дальнейшем именно отсюда начинали борьбу за трон и другие представители хивинского ханского рода Арабшахидов – Шах-Тимурхан в 1720–1730-е гг., Тимур-Гази в середине 1750-х гг., его брат Артук-Гази в начале 1770-х гг.⁴

Кунград оставался центром сопротивления центральным хивинским властям и на рубеже XVIII–XIX вв., причём эту особенность политической ориентации местного населения старались использовать в своих интересах и противоборствующие кланы Хивинского ханства. Так, когда в самом конце XVIII в. узбекский клан кунградатов, в течение трёх предыдущих десятилетий фактически управлявший ханством, был свергнут соперничавшим с ним туркменским кланом йомудов, именно из Приаралья (вероятно, неслучайно совпадали названия города Кунград и узбекского племени⁵!) кунградатский предводитель Ильтузар двинулся на Хорезм и, в конечном счёте, разгромил йомудов⁶.

Неудивительно, что хивинские правители (как ханы, так и временщики) неоднократно старались покорить Аральское владение, совершая против него военные походы и назначая в качестве местных правителей своих преданных сторонников. Так поступали и йомуды в середине XVIII в., и кунградаты в начале 1810-х гг., а затем и во второй половине 1850-х гг. Местное население под натиском превосходящих сил центральных властей ханства покорялось, но некоторое время спустя вновь становилось в оппозицию к Хиве. И это в полной мере старались учитывать российские власти, справедливо считая, что этот беспокойный регион может как оказаться полезным для закрепления собственного влияния Российской империи в Приаралье, так и послужить важным средством дипломатического воздействия на хивинских ханов.

Впервые интерес к Аральскому владению как относительно самостоятельному региону в рамках Хивинского ханства появился у российских политиков и дипломатов ещё в эпоху правления Петра I. Российский

посланник Ф. Беневени, отправленный в 1718 г. в Персию и Бухару, отмечал в своих реляциях от 1722 г., что аральцы поддерживали претензии на престол Темир-султана (вышеупомянутого Шах-Тимур-хана), который при поддержке местного населения начал постепенно устанавливать контроль над соседними областями ханства. Примечательно, что посланник сообщал эти известия не просто как информацию о текущей политической ситуации, но и с вполне конкретными предложениями – использовать распри Аральского владения и Хивы на предмет возможного военного вторжения в ханство, чтобы «реванш над хивинцами учинить»⁷, т.е. отомстить за коварное истребление отряда А. Бековича-Черкасского в 1717 г.

Тогда план Ф. Беневени не был приведён в исполнение, однако всего несколькими годами позже Аральское владение вновь привлекло внимание российских властей, причём на этот раз – уже в связи с участием в политических событиях и самих русских. В одной из работ Г.Ф. Миллера содержится уникальное сообщение об обстоятельствах свержения и убийства хивинского хана Ширгази (1715–1728) – виновника гибели А. Бековича-Черкасского. В 1728 г. несколько тысяч рабов (среди которых было и около восьмисот пленников, оставшихся от отряда Бековича-Черкасского) подняли в Хиве восстание и отправили послание к «Аральскому хану», т.е. Шах-Тимур-султану, чтобы он помог им в борьбе с Ширгази. Претендент на трон поспешил к Хиве, однако, не дойдя до столицы, узнал, что хотя хан и убит, но восстание подавлено, и был вынужден вернуться обратно, уступив столицу другому приглашённому хану⁸.

Затем в течение длительного времени власти Российской империи никак не могли использовать в своих интересах сведения об Аральском владении и особенностях его взаимоотношений с Хивой: их отвлекли другие проблемы, да и дипломатические отношения с Хивинским ханством фактически не поддерживались. Однако интерес к этому региону не исчезал. В первой половине XIX в. российские дипломаты

продолжали отмечать факт постоянного пребывания Кунграда в оппозиции к центральным хивинским властям и возможные выгоды этого для России. Так, Н.Н. Муравьев (впоследствии знаменитый военачальник Крымской войны, получивший к фамилии почётную приставку «Карский»), отправленный в Хивинское ханство в 1819–1820 гг., достаточно подробно описывал междоусобицу между членами хивинского ханского рода Кунградов в 1809–1811 гг., когда два брата правившего тогда хана Мухаммад-Рахима (1806–1825), опасаясь за свою жизнь, бежали в Приаралье и сумели привлечь на свою сторону местное население, всегда готовое восстать против хивинского владычества. Только разлад между самими братьями позволил хану сначала покончить с ними обоими, после чего он обрушился на Кунград и подверг его разгрому, а к 1814 г. вновь на некоторое время восстановил контроль над этим беспокойным регионом. Он покончил с династией местных правителей из рода Суфи, представители которого владели различными регионами Хорезма ещё с середины XIV в., т.е. с золотоордынского периода⁹.

Сообщение Н.Н. Муравьева представляет интерес ещё и тем, что с начала XIX в. (т.е. с приходом в Хиве к власти новой Кунградской династии) население Аральского владения стало несколько иначе выражать оппозицию по отношению к Хиве. Если раньше оно поддерживало претендентов на хивинский трон, то теперь взяло курс на формирование собственного государства, независимого от Хивы. Подобное положение было даже более выгодным для России, которая в этот период вновь возобновила попытки укрепить свои позиции в Средней Азии. Именно Кунград стал одним из ориентиров для похода оренбургского военного губернатора В.А. Перовского на Хивинское ханство зимой 1839–1840 гг. (окончившегося, правда, неудачно)¹⁰.

В 1848 г. была организована Аральская экспедиция под командованием известного российского исследователя капитан-лейтенанта (впоследствии адмирала) А.И. Бутако-

ва, благодаря которому временная экспедиция с 1853 г. превратилась в постоянно действовавшую Аральскую флотилию. Именно Бутакову и его подчинённым удалось первыми из представителей российских региональных властей наладить более-менее постоянный контакт с населением Аральского владения.

Эта задача в некоторой степени облегчалась тем, что среди жителей Кунграда и его округа было немало представителей казахских племён, в том числе и тех, чьи сородичи и соплеменники уже в течение длительного времени находились в российском подданстве. Постоянный обмен информацией между «российскими» и «хивинскими» казахами позволял сравнивать правовой статус и уровень жизни кочевых подданных империи и ханства. Соответственно, кочевое население Аральского владения прекрасно знало, что российские казахи в ходе налоговых реформ 1830–1840-х гг.¹¹ были избавлены от уплаты основного натурального налога – ясака, а также не должны были платить многочисленных налогов и сборов – как традиционных, так и мусульманских, которыми хивинские ханы облагали своих подданных в пользу собственной казны. Всё чаще и чаще население Приаралья, по свидетельству А.И. Бутакова, угрожало хивинским властям, что перейдет в российское подданство, если Хива не снизит налоговое бремя¹². Надо полагать, подобные настроения подогревались экипажем Аральской флотилии: несмотря на то, что сам А.И. Бутаков определял формат своего взаимодействия лишь как сбор информации, есть основания полагать, что он и его подчинённые вели достаточно активную пропаганду среди местного населения в пользу России¹³.

Поскольку никаких радикальных изменений в системе управления и налогообложения в отношении Аральского владения хивинские власти так и не предприняли, во второй половине 1850-х гг. в Кунграде произошло несколько серьёзных восстаний, в которых косвенно, а порой и явно просматривался «русский след».

Так, в 1856 г. против хивинских ханов восстало казахское и каракалпакское население Приаралья, которое решило возвести на трон собственных ханов. При этом они сделали ставку на казахских султанов Батыра и Зарлыка, принадлежавших к правящей династии Младшего жуза, который первым признал российское подданство ещё в 1731 г.¹⁴ Примечательно, что претенденты на трон обратились за поддержкой к ещё одному правителю Младшего жуза Ермухаммаду (Иликю), который в течение некоторого времени считался вассалом Бухарского эмирата и Хивинского ханства, но с 1852 г. официально принял русское подданство и принимал участие в российском завоевании Средней Азии. Надо полагать, в перспективе восставшие видели переход под сюзеренитет Российской империи¹⁵. Впрочем, восстание вскоре было разгромлено хивинским ханом, так что остаётся только строить предположения о политической ориентации его предводителей.

Однако уже в 1859 г. в Аральском владении началось новое восстание, которое возглавил Мухаммад-Фана, внук последнего кунградского правителя из династии Суфи. Он убил ханского наместника Кутлу-Мурада, враждебного к русским, и объявил себя ханом, после чего обратился за поддержкой к оренбургским пограничным властям¹⁶. Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин принял решение отправить в Кунград под командованием А.И. Бутакова пароход «Перовский» и несколько барж, придав ему для усиления отряд в 125 солдат под командованием такого же сторонника завоевания Средней Азии – полковника М.Г. Черняева (в будущем знаменитого генерала, завоевателя Ташкента и первого военного губернатора Туркестанской области, а затем – и второго генерал-губернатора Туркестанского края). Офицерам было предписано действовать по ситуации, а чтобы поход не выглядел открытой агрессией против Хивинского ханства, было решено, что корабли двинутся в Амударью под предлогом доставки на родину бухарского посла из России¹⁷.

Впрочем, бухарский посол отказался плыть на корабле, что, однако, не остановило Бутакова и Черняева. Добравшись до Кунграда, они вступили в переговоры с хивинскими сановниками, командовавшими ханскими войсками. Хивинцы предприняли ряд неудачных попыток «напугать» российских моряков и солдат – сначала направив на них свои пушки, затем изобразив намерение взять корабли на abordаж, используя для этого свои лодки. Убедившись, что их демонстрация не уменьшила решимости русских, хивинцы сначала отступили, а затем и вовсе сняли осаду, уйдя от Кунграда¹⁸.

Русские были с почётом встречены в Кунграде как «избавители» и удостоились аудиенции у «хана» Мухаммад-Фана, которому было предложено подписать соглашение с Россией о мире с российско-подданными казахами, охране бухарских караванов и предоставлении провианта для российских солдат и моряков на период их пребывания в Аральском владении. После недолгого обсуждения этих условий Мухаммад-Фана согласился подписать этот документ. Следует отметить, впрочем, что это соглашение отнюдь не означало официального признания самостоятельности Кунграда со стороны Российской империи, поскольку юридически являлось всего лишь результатом взаимодействия пограничных властей Оренбургского края с такими же пограничными властями Хивинского ханства. Тем не менее, сами восставшие видели в этом документе, равно как и в пребывании русских солдат в Кунграде, гарантию своей независимости от Хивы, и Мухаммад-Фана даже заявил, что «принадлежит» своим избавителям со всем народом, семейством и имуществом.

Однако его слова являлись не более чем «восточной вежливостью», тогда как фактически подписанием соглашения благодарность и расположение восставших к русским и ограничились. Кунградцы стали требовать от А.И. Бутакова пушки и войска для защиты города, а также предприняли попытку втянуть его в войну с Хивой, предложив принять участие в преследовании отступавших ханских войск. Однако их планы были откло-

нены Бутаковым. Во-первых, у него не было намерений начинать открытую войну России с Хивинским ханством. Во-вторых, Амударья вновь, как и годом ранее, обмелела, и дальнейшее продвижение кораблей по ней могло привести к их посадке на мель и даже гибели. Наконец, в-третьих, кунградцы не предлагали русским ничего взамен, даже отказались снабдить корабли топливом, а моряков и солдат – продовольствием. В результате дружелюбие восставших сменилось враждебностью, и дело едва не дошло до нападения туркмен на корабли А.И. Бутакова для грабежа. Единственно верным решением в этом случае являлся немедленный уход в русские воды, в результате чего А.А. Катенину пришлось констатировать, что никакой пользы России эта экспедиция не принесла. Впрочем, Россия в очередной раз сумела продемонстрировать Хиве свою военную и морскую мощь, что внушило хивинцам значительные опасения и повлияло на дальнейшее развитие русско-хивинских отношений¹⁹.

Вскоре после ухода сил А.И. Бутакова и М.Г. Черняева восстание было подавлено, Мухаммад-Фана убит, и хивинскому хану Сейид-Мухаммаду удалось, наконец, окончательно восстановить контроль над Кунградом²⁰. Ход восстания и его неутешительные для России итоги были подробно изложены А.И. Бутаковым в статье для журнала «Отечественные записки», при этом о своей роли в этих событиях начальник Аральской флотилии благоразумно умолчал, заявив лишь, что «имел случай быть в Кунграде в конце июня и видеть Мухамеда-Фана»²¹. Это было вполне разумным, поскольку информация об активном вмешательстве российского флота в дела Хивинского ханства могла привести к новому витку обострения отношений не только с Хивой, но и с Британской империей, весьма болезненно реагировавшей на любые попытки России укрепить своё влияние в Центральной Азии. Поэтому сведения о роли российских войск в событиях 1859 г. можно извлечь из его записок и донесений в Морское министерство²² и из дневника М.Г. Черняева, опубликованного его дочерью только в 1915 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что в середине XIX в. присоединение Аральского владения не отвечало политическим интересам Российской империи, власти которой, очевидно, не представляли, как можно было бы оформить его включение в состав России без негативных международно-правовых последствий в условиях сложных взаимоотношений с Хивинским ханством и Британской империей. В ходе поиска оптимального дипломатического решения Россия в какой-то степени зашла в тупик, выход из которого могли предложить только решительные руководители региональной администрации, в частности, начальники Кавказского и Туркестанского военных округов, которые склонялись к разрешению многолетних (и даже многовековых) споров с Хивинским ханством исключительно военным путем.

И когда российские власти приняли решение о «силовом» варианте разрешения споров с Хивой, именно Кунград стал своеобразной отправной точкой для последовавшего вскоре вторжения в Хивинское ханство. После постройки города Красноводска в 1869 г. местные туркмены под предводительством Ата-Мурад-хана, постоянно находившиеся в оппозиции к Хиве, настойчиво указывали своим союзникам-русским на то, что именно через Кунград открывается наиболее удобный путь на Хиву. Тем более что русские и сами имели возможность убедиться в этом ещё во время своего пребывания там 12 лет назад (т.е. во время экспедиций А.И. Бутакова), да и местное население не окажет русским сопротивления²³.

Неудивительно, что подобное положение Аральского владения в постоянной оппозиции к Хиве было весьма выгодным для имперских властей. Неслучайно даже после победоносного похода 1873 г., завершившегося установлением протектората Российской империи над Хивинским ханством, Кунград, в отличие от других приаральских территорий, отошедших к России по условиям Гандеманского мирного договора, был оставлен в составе ханства. По-видимому, российские власти, и в первую очередь туркестанский генерал-губернатор К.П. фон

Кауфман, намеревались и в дальнейшем использовать многовековые оппозиционные настроения в бывшем Аральском владении как средство собственного влияния на хивинских монархов. Впрочем, по-видимому, со временем в нём появилась русская диаспора – например, осенью 1894 г. начальник Амударьинского отдела полковник Галкин обращался к хивинскому хану Мухаммад-Рахиму II (1864–1910) с просьбой об оказании содействия православному священнику, командированному в Кунград²⁴.

В заключение следует отметить, что поддержка Российской империей независимости (или автономии) Аральского владения как средства влияния на Хивинское ханство не было единственным примером подобной имперской политики. Так, на рубеже 1860–1870-х гг. пограничные и центральные власти Российской империи рассматривали проекты создания независимых государств (ханств) с центрами в Ташкенте и Самарканде – с целью влияния, соответственно, на Кокандское ханство и Бухарский эмират (у которых они были захвачены в конце 1860-х гг.). Только существенное изменение политической ситуации в регионе убедило имперские власти в целесообразности сохранения этих областей в составе Российской империи вместо превращения их в «буферные государства».

Примечания

¹ Нам известна лишь одна статья, специально посвящённая этому предмету: *Сайманов С.С.* Город и Аральское владение в XVIII в. // *Вестник Каракалпакского отделения АН РУз.* 1996. № 4. С. 147–151.

² На это обращал внимание уже И.В. Виткевич, выполняя в 1835 г. секретное поручение Азиатского департамента российского МИДа в Средней Азии, см.: *Записки о Бухарском ханстве.* М., 1983. С. 123. См. также: *Килевейн Е.Б.* Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 // *Записки Императорского Русского географического общества.* 1861. Кн. 1. СПб, 1861. С. 99.

³ См.: *Абуль-Гази-Бахадур-хан.* Родословное древо тюрков / Пер. Г. Саблукова; *Иакинф.* История первых четырёх ханов дома Чингисова; *Лэн-Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек, 1996. С. 154–155; *Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân: Souverain de Kharezme et Historien Djaghataï, 1603–1644 / trad. par. P. I. Desmaisons.* Amsterdam, 1970. P. 297. В этом сочинении речь идёт об «узбеках, живущих в Ургендже и за рекою Аму», т.е., вероятно, именно о населении Аральского владения.

⁴ См.: *Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi.* Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 59–60, 70–71, 76.

⁵ См. подробнее: *Маликов А.М.* Из истории кунгратов Среднеазиатского междуречья // *Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции.* Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 172.

⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. М., 1938. С. 258, 296.

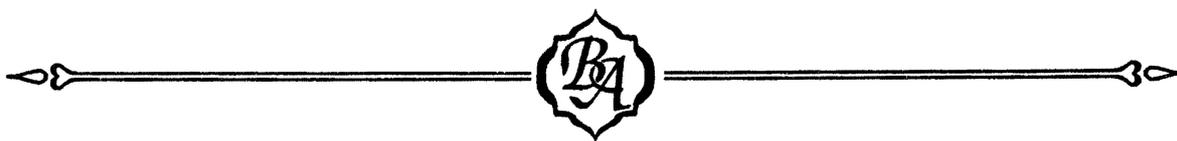
⁷ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 67.

⁸ *Миллер Г.Ф.* Известие о песошном золоте в Бухарии, о чинённых для оног отправленийх и о строении крепостей при реке Иртыше, котрым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. III. М., 2005. С. 479–480.

⁹ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьёва, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. С. 42–43. См. также: Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 374–378. См. также: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб, 1877. С. 280–281.

¹⁰ *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. Пг., 1915. С. 118.

¹¹ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // *Право.*

Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190.

¹² Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю в 1848–1849 гг. Ташкент, 1953. С. 22.

¹³ См., напр.: *Кадырбаев А.Ш.* Народы Приаралья в середине XIX века (по письмам А.И. Бутакова 1848–1849 гг.) // Восточный архив. № 14–15. 2006. С. 67–68.

¹⁴ См.: История Каракалпакской АССР. Т. I. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1974. С. 141, 143.

¹⁵ История Каракалпакской АССР. С. 143; *Нурмухамедов М.К., Жданко Т.А., Камалов С.К.* Каракалпаки (краткий очерк истории с древнейших времён до наших дней). Ташкент, 1971. С. 34–36. Об Иликее см., напр.: *Ерофеева И.В.* Символы казахской государственности (средневековье и Новое время). Алматы, 2001. С. 144–145.

¹⁶ Известный исследователь Средней Азии, но при этом явный русофоб А. Вамбери прямо заявлял, что Мухаммад-Фана поднял восстание, «поддерживаемый русским влиянием», см.: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершённой в 1863 году. СПб, 1865. С. 178. Ср.: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве... С. 349.

¹⁷ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 113. См. также: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве... С. 349–350.

¹⁸ *А.Ч. М.Г. Черняев* в Средней Азии (На Сыр-Дарьинской линии) // Исторический вестник. № 6. 1915. С. 845–850; *Шепурин В.* Плавание Аральской флотилии в 1858 и 1859 годах // Морской сборник. Т. LIII. № 5. Май 1861. С. 138–139.

¹⁹ *А.Ч. М.Г. Черняев* в Средней Азии. С. 851–856; *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 114–115.

²⁰ *Килевейн Е.Б.* Отрывок из путешествия в Хиву... С. 104.

²¹ *Бутаков А.* Эпизод из современной истории Средней Азии // Отечественные записки. Т. 163. 1865. Ноябрь. Кн. 1. С. 112.

²² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.). Ф. 715. Д. 22. Док. 191, 215 (см. также: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 114–115); Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 283. Оп. 3. Д. 516 (см. также: *Кадырбаев А.Ш.* Материалы Российского государственного архива Военно-Морского флота об изучении и освоении Аральского моря российскими военными моряками // Восточный архив. № 10. 2003. С. 70).

²³ См.: *Маркозов В.* Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб, 1898. С. 29.

²⁴ ЦГА РУз. Ф. И-125 (Канцелярия Хивинского хана). Оп. 1. Д. 53/96. Электронная версия – с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel): zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de.

